

Е. В. ГЕРЦМАН,ведущий научный сотрудник Российского института истории искусств,
доктор искусствоведения, профессор кафедры искусствоведения СПбГУП

О ВИЗАНТИЙСКОМ В ИСТОКАХ ДРЕВНЕРУССКОЙ МУЗЫКИ

Д. С. Лихачев создал методологическое основание изучения русской христианской культуры. Наша задача — продолжить эту линию современной науки.

Общеизвестно византийское происхождение русского христианства. В период XI – XII вв. на Русь из Византии хлынули миссионеры. Именно они способствовали тому, что первые церковные установления, организация служб, да и сам церковный обиход во многом были связаны с византийскими традициями. Естественно, что церковная музыка также стала предметом их заботы. Поэтому нет ничего удивительного в сообщениях Степенной книги (1563) о том, что к Ярославу «придоша <...> от Царяграда богоподвизаемии три певцы Гречестии с роды своими». Судя по всему, таких случаев было достаточно много, поскольку и в более ранних источниках можно обнаружить почти аналогичные свидетельства (Софийская, Воскресенская и Никоновская летописи). Однако эти сообщения не дают конкретных данных, которые при научной обработке стали бы реальным инструментом познания. В них все сводится к общим фразам о влиянии греческих миссионеров на первоначальные шаги русской церковной музыки. Но в чем выражалось это влияние? Насколько оно было глубоко? Как долго оно продолжалось? Эти вопросы всегда оставались без ответа и оказывались зияющим «белым пятном», с которым трудно было свыкнуться отечественной науке о музыке. Ведь отсюда, собственно, и начинается русская профессиональная музыка, которую мы знаем.

Поэтому в XIX и XX столетиях о византийском влиянии на становление русской церковной музыки высказывались самые различные точки зрения. Не было ни одного специалиста по древнерусской музыке, не затронувшего этот вопрос. Анализ всех мнений может стать темой интересного самостоятельного исследования. Однако сам вопрос до сих пор остается не разрешенным. Основная трудность заключается в том, что на пути поиска истины стоят почти непреодолимые трудности. Уцелевшие материалы, которыми располагает наука, не дают возможности даже близко подойти к освоению столь труднодоступного вопроса. Поэтому единственный сохранившийся путь состоит в том, чтобы попытаться понять, что могла и чего не могла заимствовать отечественная церковная музыка из Византии. А понять это можно только в том случае, если четко определить, в чем

заключаются смысл, цель и задачи богослужебной музыки.

Цель богослужебной музыки — создать некую, непередаваемую словами ауру, благодаря которой человек способен, хотя бы на время, освободиться от житейских забот и полностью отдаться искренней беседе с Всевышним. Без подлинной искренности не может быть ни молитвы, ни богослужения. Поэтому главная задача звучащей под сводами храмов музыки как раз и заключается в том, чтобы помочь верующему стать самим собой. А это может не всякая музыка, а только та, интонации которой близки и хорошо понятны находящимся в храме. Если человек с детства приобщен к попевкам и мелодическим оборотам, если он вырос «в их окружении», то они несут ему ясную и отчетливую информацию (радость, горе, боль, страх и т. д.). Если же слышна необычная и малознакомая музыка, то слух (а вместе с ним и сознание) настораживается, создается некая напряженность, требующая (пусть даже неосознанно), чтобы мышление освоило и оценило ее. Появляется волнение и беспокойство. Возникающая в результате этого ситуация не способствует раскованности, и создается неблагоприятная для проявления искренности обстановка. Следовательно, богослужебная музыка, если она хочет успешно выполнять свою функцию, должна базироваться на национальных интонациях. Только в этом случае можно рассчитывать на нужное эмоционально-психологическое воздействие.

История христианства полностью подтверждает изложенное наблюдение. Когда в странах Средиземноморья создавались церкви, то первые апостолы принесли с собой не только новые гуманистические идеи, но и традиции, сформированные той средой, которая их воспитала. Среди прочего была и так называемые «тегила» — стихи, которые читались и пелись у них на Родине. Но чтобы эти «тегила» были понятны новообращенным христианам — сирийцам, египтянам, грекам и римлянам — они должны были быть переведены на их языки. Прошло немного времени и уже никто не знал, что такое «тегила», но все прекрасно знали эти переведенные стихи, получившие на европейских языках новое греческое название — «псалмы». Более того, когда в первых храмах Средиземноморья они зазвучали уже не как стихи, а как песнопения, то их пели местными, понятными народу интонациями. Значит, всеми

христианами из Израиля были заимствованы не песнопения, а певческо-поэтический жанр. А жанр, как известно, способен «акклиматизироваться» в любой национальной среде, впитывая местные особенности. Чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить любой из художественных жанров (начиная от сонета и вальса и кончая романом и оперой).

То же самое происходило в XI — XII столетиях на Руси. При заимствовании норм христианских богослужений из Византии были переняты певческие жанры: канон, кондак, тропарь, ирмос, стихира и т. д. Но они могли выполнять свои функции богослужбных певческих жанров только в том случае, если были наполнены национальным музыкальным содержанием. Но это еще не все. Факты говорят о том, что в первоначальных формах русских нотаций (до сих пор остающихся нерасшифрованными) многое заимствовано из византийской. Даже в более поздних разновидностях русской нотной системы присутствует достаточное количество знаков, ко-

торые по своему начертанию и названиям напоминают византийские. И в этом нет ничего удивительного. Византийская музыкальная культура к X веку приобрела многое из того, чем русская еще не обладала, в том числе и нотацию. Поэтому при распространении богослужбных обрядов, сопровождающихся песнопениями, заимствовались и способы их записи. Однако, будучи только средством записи, нотация лишь в очень незначительной степени влияет на саму суть музыкального материала.

Таким образом, есть все основания утверждать, что при становлении древнерусской церковной музыки речь может идти только о технологическом влиянии византийской культуры. Оно проявилось в заимствовании христианских церковных жанров и активном влиянии византийской нотации на формирование отечественных форм нотного письма. Сам же музыкальный материал, наполнявший церковные жанры, должен был оставаться традиционно русским.